

Марк Яковлев

Dora

Эссе о жизни Доры Шварцберг

Дора Шварцберг (ДШ) – известная в мире скрипачка и музыкальный педагог. Она выступает и дает мастер-классы по всему свету: в Европе, России, Америке, Израиле, Японии, Китае. Выступала и общалась с Иегуди Менухиным, Мстиславом Ростроповичем, Мартой Аргерих, Исааком Стерном, Хорхе Боссо, Валентином Берлинским, Юрием Башметом, Раду Лупу и другими выдающимися музыкантами современности. ДШ лауреат многих междуна-

родных музыкальных конкурсов, ее ученики являются концертмейстерами и играют в ведущих оркестрах разных стран. ДШ более 30 лет работает профессором Венского музыкального университета. В настоящее время она также является профессором музыкальной академии Бухман-Мета в Тель-Авиве. Живет везде, где есть музыка, но чаще всего в Вене.

Необычное начало

Мы созвонились с ДШ и договорились, что я приеду в Вену взять у нее интервью. За день до отъезда я позвонил ей еще раз и услышал, что голос у ДШ низкий, как у простуженного человека.

– Да, – сказала ДШ, – сегодня и еще два-три дня я не смогу петь в Венской опере.

– А в Ла Скала? – подхватил я ее шутку.

– И в Ла Скала тоже, – ответила ДШ и засмеялась, – но они об этом еще не знают!

И тут я понял, что скрипка ДШ может не только говорить и плакать, но еще и смеяться.

– Сильная простуда? – спросил я уже более серьезно.

– Да, приличная, но вы не переживайте: в конце концов все будет хорошо! А пока я в госпитале, то есть что-то плохо, значит, это еще не конец, – процитировала она Пауло Коэльо.

– Так вы в больнице?!

– А где же мне еще быть с таким-то голосом? Забежала на минуточку проверить легкие, а они меня уложили на койку.

– Я хочу вас завтра навестить в госпитале. Как мне к вам проехать?

– Вас встретит мой муж, и вы вместе приедете.

– Хорошо, как зовут вашего мужа?

– Иван, Иван Романов.

«Странно, – подумал я, – у женщины, родившейся за кулисами еврейского театра, мужа зовут Иван Романов».

– Вы, наверное, хотите спросить меня, откуда у мужа женщины, родившейся за кулисами еврейского театра, такое простое русское имя и знаменитая русская фамилия?

– Как вы прочитали мои мысли?

- А меня об этом все спрашивают!
- Да, интересно...
- Вы, наверное, слышали, что есть английская ветвь царского дома Романовых?
- Не только слышал, но даже немного писал об одном из ее представителей, английском принце Майкле Кентском...
- Ну так вот, – твердо сказала Дора, – а мой муж – это еврейская ветвь дома Романовых! Теперь вы будете писать о графе Романове из Одессы, – и она снова засмеялась.
- Наконец-то до меня дошло, что на самом деле я еду не в Вену, а в Одессу!..

Кому это надо?

- Не знаю: кому нужны мои воспоминания? – спросила меня Дора в начале нашего разговора.
- Думаю, что ваши воспоминания понадобятся, прежде всего, вашему внуку.
- Да, – подтвердила Дора, – именно ему, моему внуку! И это единственное, что мной движет в нашем разговоре.

Ташкентский базар, где можно приобрести все, включая жизнь и судьбу

Дора родилась в Ташкенте через год после войны, и, как уже было сказано, за кулисами еврейского театра. Отец Доры Рафаил Шварцберг родом из Румынии, играл на скрипке и вел (дирижировал смычком) оркестр в театре. Мама Мира (в девичестве Шендерович) родом из Киева, была виолончелисткой того же театра. Она хорошо играла также на пианино и аккордеоне.

Рафаил Шварцберг познакомился с Мирой Шендерович в Ташкенте на Алайском базаре после Дня Победы в 1945 году. Начиная период свадеб, и Рафаила часто приглашали играть на них как скрипача театра – это называлось «халтура». Но для «халту-

ры» нужен был еще аккордеон. Думая о том, как бы найти аккордеониста, Рафаил зашел на Алайском базаре в торговый ряд, где продавали узбекские лепешки и самсу. Подойдя к молодой продавщице, он попросил продать ему две лепешки. Продавщица открыла футляр от виолончели, достала оттуда две лепешки, завернутые в «душу» – платок, сохраняющий тепло лепешек, и протянула их Рафаилу.

– Вы играете на виолончели? – спросил он продавщицу.

– Да, играю, – ответила девушка.

– А на аккордеоне сможете?

– Не пробовала, но думаю, что смогу, – улыбнулась девушка, – я играю на пианино.

Так они составили дуэт и сыграли сначала на чужой свадьбе, а потом и на своей.

Бабушка Доры, как и отец, тоже играла на скрипке, и профессия девочки при таком семейном раскладе была, в принципе, предсказуема.

Маленькая Дора

В Ташкенте папа и мама целыми днями пропадали в театре, а маленькая Дора часто ходила с бабушкой на Алайский базар, место, где познакомились ее папа и мама. Однажды на базаре они неожиданно встретили странного старца, возникшего непонятно откуда, как волшебный старик Хоттабыч из обычного кувшина. Дора была одета в яркое шелковое платье с узбекским орнаментом в бордово-черных цветах и такие же цветные шароварчики, на голове у нее красовалась тюрбетеечка.

Эти цвета, красный и черный, будут сопровождать ее потом всю жизнь как знак судьбы. Старец посмотрел на Дору и спросил:

– Ты девочка?

– Нет, – ответила Дора.

– Ты мальчик?

– Нет, – ответила Дора.

– Ты узбечка?

– Нет, – ответила Дора.

- Ты еврейка?
- Нет, – ответила Дора.
- Ты русская?
- Нет, – ответила Дора.
- Так кто ж ты, наконец?! – воскликнул старец голосом Фауста.
- Я – артистка! – звонко отчеканила Дора детским голоском.
- Всем скакать на лошадях судеб своих! А тебе в поте лица своего добывать хлеб свой насущный, исполняя и храня музыку! – подняв палец вверх, словно дирижерскую палочку, произнес старец и так же неожиданно исчез, как и появился.
Через пару лет «артистка Дора» действительно взяла в руки скрипку, но это было уже в другом городе, в Николаеве.

Николаев – город детства и первой скрипки

Когда Доре исполнилось три года, семья переехала в Николаев. В этом городе в возрасте пяти лет Дора взяла впервые в руки скрипку... и стала играть. И играет до сих пор. Как написал один французский летчик, выпустив ненадолго штурвал из рук: «Все мы родом из детства». Детство – это воспоминание, в которое мы возвращаемся всю жизнь. И совершенно неважно, где прошло ваше детство: в Ташкенте, в Николаеве, в Одессе, в Москве, да хоть в Занзибаре! Все равно вы всегда будете вспоминать ваше детство и говорить, что «нигде нет таких пальм, как в Занзибаре!».

Родители переехали в Николаев, прежде всего потому, что еврейский музыкальный театр в Ташкенте расформировали в 1948 году. А в николаевской филармонии нужны были музыканты. Кроме того, Николаев был ближе к Молдавии, а Молдавия ближе к Румынии, а Румыния – страна детства отца Доры.

Потом расформировали оркестр николаевской филармонии, и родители Доры переехали в Кишинев. Там они служили музыкантами в знаменитом молдавском ансамбле народного танца «Жок» и много ездили по стране с гастрольями.

Еще одной причиной переезда семьи в Николаев можно считать находящуюся рядом Одессу, а в Одессе – школу музыкальных вундеркиндов Петра Столярского, прекрасно подходящую для

образования дочери. Но дорога Доры в школу Столярского была длинной. Сначала надо было несколько лет брать частные уроки в Одессе и, между прочим, платить за них. Зарплата у советских музыкантов, как известно, была невелика. Мама Мира говорила: «Мы жили в кредит!».

А папа Рафаил сам себе задавал философский вопрос: «Что мы, музыканты, можем украсть у советской власти?» И сам себе отвечал: «Ничего, кроме фальшивых нот!..».

Бабушка будила внучку в пять часов утра, доставала одну ногу семилетней девочки из-под одеяла, натягивала на нее чулок и засовывала ногу опять под одеяло. Потом доставала другую ногу и делала с ней то же самое. Перед тем как обуть внучку, бабушка обматывала ей ноги газетой. Газеты, как известно, хорошо сохраняют тепло.

Из дома выходили в шесть часов утра и шли на автобусную остановку. Небо детства было необычайно ярко-синего цвета! Такой же цвет Дора увидит еще раз только через тридцать лет во сне, когда перед концертом в Линкольн-центре в Нью-Йорке ей приснится Иегуди Менухин в бархатном пальто ярко-синего цвета – цвета николаевско-одесского неба.

Четыре часа бабушка с внучкой, а внучка со скрипочкой добирались до школы. Перед мостом автобус останавливался, все пассажиры выходили и в любую погоду – и в дождь, и в снег – шли через мост пешком. Мост был слабым и мог не выдержать автобуса с пассажирами. Занятия начинались в десять часов утра. Четыре часа бабушка с внучкой, а внучка со скрипочкой добирались обратно. Еще со школы у Доры в голове сидит бодрая пионерская фраза: «Усталые, но довольные, они возвращались домой!».

Одесса и школа Столярского

Родители поехали в Кишинев, а девятилетняя «артистка Дора» поехала из Николаева в Одессу, жить «на квартире» и поступать в знаменитую музыкальную школу имени профессора П.С. Столярского. Поступить в школу-интернат, «кузницу музыкальных вундеркиндов», куда приезжали музыкальные таланты со всей страны, было трудно, очень большой конкурс. Жак Тибо, лучший

скрипач Франции, говорил: «Педагогика Столярского – это то, чем должно гордиться мировое искусство».

Достаточно сказать, что из школы Столярского вышли такие известные на весь мир скрипачи, как Давид Ойстрах, Буся (Борис) Гольдштейн, Елизавета Гилельс (сестра пианиста Эмиля Гилельса) и многие другие. Девиз школы звучал скромно, но с одесским акцентом: «Ваш мальчик – обыкновенный гениальный ребенок!».

Про мальчиков в девизе школы было сказано все, а про девочек – ни слова.

Девятилетней девочке Доре повезло: ее учителем стал Бениамин Мордкович, ученик самого профессора Петра Столярского, основателя школы «имени мене», как с самоиронией говорил профессор. Мордкович был не только прекрасным педагогом, но и «приемным сыном» Столярского и в жизненном, и в творческом смысле этого понятия. Учитель взял осиротевшего девятилетнего талантливого мальчика в свою семью, и Бениамин жил в семье Столярских пять самых трудных лет: в Первую мировую войну и в годы революции.

Таким образом, Дору можно считать «музыкальной дочкой» Бениамина Мордковича и «музыкальной внучкой» Петра Столярского. Еще одним педагогом, оказавшим на Дору большое влияние в школе Столярского, был педагог Леонид Лембергский.

Скрипичный смычок – это эстафетная палочка, передающаяся из рук одного исполнителя в руки другого, от одного поколения другому поколению музыкантов. Талант, вдохновенное трудолюбие и, конечно, школа мастера – вот три кита, несущие на себе дальнейшие творческие судьбы людей любого искусства.

Тетя Сима – первый промоутер Доры, и знакомство с Исааком Стерном

Перед фестивалем молодежи и студентов в 1957 году «железный занавес» со скрипом, но немного приподнялся, и в Одессу из Америки приехал всемирно известный скрипач Исаак (Айзек) Стерн. Дора в то время делала большие успехи в школе Столяр-

ского и жила на квартире у Се-
рафимы Наумовны Ариович,
или, как говорили в Одессе, у
тети Симы. Ее муж дядя Яша
Руденко очень любил Дорочку,
защищая ее от неугомонной
жены. Но всем в семье, доме, го-
роде и мире все равно заправ-
ляла тетя Сима. Узнав одесскую
новость, тетя Сима решила: раз
она каждый день слышит, как
замечательно играет девочка,
то великий Стерн тоже должен
хотя бы раз в жизни получить
удовольствие и послушать, как
играет ее квартирантка.

Недолго думая, тетя Сима
позвонила в лучшую гостиницу
Одессы «Красная» (а где же еще
может остановиться великий
скрипач?) и попросила при-
гласить к телефону господина

Стерна. Музыкант был на репетиции в филармонии, тетя Сима
оставила свой номер телефона и сказала дежурной, чтобы Стерн,
когда вернется, перезвонил ей. Часа через два раздался телефон-
ный звонок, трубку снял зять тети Симы и в ужасе прошептал:
«Это Стерн!». Тетя Сима взяла трубку и с достоинством произнес-
ла: «Я вас слушаю, господин Стерн!». Скрипач объяснил, что его
попросили позвонить по этому номеру телефона, но он не знает,
кто и по какому поводу. Тетя Сима популярно объяснила Айзе-
ку, что «у меня есть девочка», она отлично учится в школе Сто-
лярского, и он просто обязан послушать, как прекрасно она
играет на скрипке!

– Поверьте мне – я в этом деле понимаю! – закончила свою
тронную речь тетя Сима и подмигнула Доре.

Неожиданно великий Стерн, чье имя сегодня носит главный
концертный зал Карнеги-холла в Нью-Йорке, не устоял перед

Через много лет после первой встречи маэстро
дал Доре поиграть на своей скрипке Гваданини,
ученика Страдивари, XVIII век, Кремона.
Дора четырнадцать лет наслаждалась игрой
на скрипке Стерна

напором «понимающей в этом деле» тети Симы и сказал, чтобы девочка завтра днем пришла в одесскую филармонию со скрипачкой. На следующий день девочка пришла в филармонию. Стерн поднял Дору вместе со скрипачкой и поставил на высокую сцену.

– Сыграй что-нибудь, – просто сказал маэстро.

Дора сыграла «Скерцо-Тарантеллу» Венявского. Стерн повернулся к жене, сидевшей в зале, и сказал: «Вера, с девочкой надо что-то делать?!».

Позже в Америке в самый трудный период адаптации на Западе, с 1974 по 1982 год, Дора иногда останавливалась в доме Исаака и Веры Стерн, они ее поддерживали.

В музыке, как в Библии: Петр приютил и выучил Бениамина, Бениамин и Исаак приютили и выучили Дору, Дора приютила и выучила многих своих учеников, как только она начала преподавать в Высшей музыкальной школе Вены. Все, кто приезжал с родины, жили у нее, и не по одиночке, а целыми семьями. Иногда не только с любимыми музыкальными инструментами, но и с любимыми собачками. «Пока не устроимся».

– А что делать? – говорила Дора и, как тетя Сима, разводила руками – играть-то надо! Музыка не должна прерываться ни на одно мгновение, она должна звучать всегда...

Это – дары Доры.

Второй промоутер Доры – тетя Рая, соединяющая телефоны и мечты

Школа Столярского была только началом, а не концом музыкальной карьеры Доры. А Пауло Коэльо говорил, что только в конце концов все будет хорошо, а в начале может быть и плохо. Плохо было то, что Одесса не хотела отпускать молодую и талантливую выпускницу школы Столярского в московскую консерваторию. Одесса и так испокон веков снабжала Москву всеми своими талантами, всех их невозможно перечислить. Поэтому выпускные документы Доры Шварцберг просто перенесли через несколько кварталов из здания школы Столярского в другое здание – одес-

ской консерватории, и зачислили Дору без экзаменов в студенты первого курса.

Но душой и телом Дора рвалась в московскую консерваторию. Исаак Стерн, подняв девочку Дору на высокую сцену одесской филармонии, сказал ей, чтобы она играла с теми, кто выше ее, тогда она будет расти! Дора мечтала о московской консерватории.

Дора поехала в Москву и успешно прошла прослушивание в московской консерватории: ее согласился взять к себе в класс профессор Юрий Янкелевич. Но хорошо играть на скрипке – это только полдела, это «может каждый». А вот получить разрешение министерства культуры Украины на учебу в Москве – это может не каждый! Тем более, что времени до начала занятий оставалось совсем не много.

Дора села в Москве в поезд и поехала в Киев к министру культуры Украины Светлане Кириловой с радостной вестью: она успешно прошла прослушивание и ее берут в московскую консерваторию! Надо только позвонить проректору консерватории товарищу Лапчинскому и сказать ему, что минкульт Украины отпускает Дору Шварцберг.

Но Кирилова ответила Доре, что она звонить Лапчинскому не будет. Вот если Лапчинский позвонит ей, тогда она ему скажет все.

Дора села в поезд и поехала назад в Москву к проректору Лапчинскому с просьбой, чтобы он позвонил Кириловой. Но Лапчинский ответил Доре, что он звонить Кириловой не будет. Вот если она напишет бумагу, что минкульт Украины отпускает Дору в Москву...

Дора села в поезд и поехала в Киев к министру культуры Украины Светлане Кириловой с просьбой написать бумагу. Но Кирилова ответила, что писать такую бумагу и подтверждать письменно, будто минкульт Украины разбрасывается своими талантами, она не будет.

Вышла Дора из минкульта Украины и села не в поезд, как обычно, а на лавочку, и стала плакать. Сидит девочка на лавочке после двух недель скитаний между Киевом и Москвой, а слезки так и капают. Идет мимо женщина с авоськой и спрашивает Дору:

- Что ты, девочка, плачешь? Влюбилась, что ли?
- Да, влюбилась, – отвечает Дора, утирая слезы.
- И в кого ж ты влюбилась? – опять спрашивает женщина.

– В московскую консерваторию я влюбилась, это моя мечта! – отвечает Дора и рассказывает женщине, что не может соединить двух людей, чтобы они поговорили по телефону.

– Не плачь, девочка, помогу я тебе, – говорит женщина голосом старца на ташкентском базаре, – соединю я их, дело это нехитрое – соединять телефоны, поговорят они. А телефоны-то их у тебя есть?

– Да я их наизусть помню уже целый месяц! А вы кто – волшебница?! – широко раскрыв глаза, воскликнула Дора. Она перестала плакать и вспомнила старца на ташкентском базаре.

– Нет, я не волшебница, – улыбнулась женщина, – телефонистка я в переговорном пункте на центральном телеграфе. Рая меня зовут.

– Тетя Рая, а у вас нет случайно скрипки с собой? – спросила Дора, заглядывая в авоську тети Раи, – а то я свою в Москве оставила.

– Нет, – задумчиво ответила телефонистка тетя Рая, – я свою мечту в Харькове оставила.

– Жаль, а то бы я вам сейчас Брамса сыграла в знак благодарности...

Московская консерватория, или «Здравствуйте, Владимир Спиваков»

Выпускникам школы Столярского, как мы видели, поступить в московскую консерваторию (сокращенно *конса.* – **М. Я.**) было ничуть не легче, чем простым смертным, хотя за спинами учеников Столярского маячили тени знаменитых выпускников одесской школы музыкальных вундеркиндов.

Доре опять повезло, и она попала в класс профессора Юрия Янкелевича. Среди учеников Янкелевича такие известные скрипачи как Владимир Спиваков, Дмитрий Ситковецкий, Виктор Третьяков и многие, многие другие. Дора училась несколько лет у профессора Янкелевича одновременно с Виктором Третьяковым и Владимиром Спиваковым.

В консерватории Дора не решалась поздороваться с Владимиром, потому что не была уверена, что он ей ответит. Спиваков уже тогда был Спиваковым, «столичным талантом», а она – «девочкой из провинции». Через много лет в Лондоне Дора позвонила Спивакову, бывшему там на гастролях, и попросила передать подарок их общему педагогу по консерватории Жене Чугаевой, ассистентке Юрия Янкелевича.

– Возьму, но не тяжелее двухсот грамм! – сказал Владимир.

Дора купила платье на вес – двести грамм, и, передавая его Спивакову, первый раз в жизни поздоровалась с ним. Владимир сказал, что он тоже не решался поздороваться с Дорой в консерватории, потому что она ходила там «неприступной королевой». Оказалось, что Владимир не шутил: он по памяти назвал ей все, что она играла в консерватории. Она и сама уже многого не помнила, а он помнил!

Спиваков раньше Доры принял участие в международном конкурсе скрипачей имени Никколо Паганини в Генуе, но у Владимира в Генуе не было родственников, а у Доры они там неожиданно появились: тетя Поля из Швейцарии и кузен Сережа из Румынии.

«Родственники за границей» (попробуй напиши такое в анкете – и тебя уже никогда и никуда не выпустят!) в то время для советского человека был не самый лучший подарок. Как и все советские люди, Дора автоматически писала во всех анкетах, что «родственников за границей не имею». А на устный вопрос: «Есть ли у вас родственники...» – даже не дав договорить задающему его, быстро и звонко, как на ташкентском базаре, отвечала: «Нет!».

«Почтовый голубь» Давид Федорович Ойстрах

Одним из выпускников школы Столярского в московской консерватории был Давид Федорович Ойстрах.

– Шварцберг, беги быстрее, тебя Ойстрах зовет! – прокричал ей на ходу однокашник – и Дора понеслась в класс к Давиду Федоровичу Ойстраху, даже не подозревая, о чем пойдет речь. По дороге она думала: почему в конце все друг друга называют по фамилиям, а не по именам?

– Дора, – спросил знаменитый скрипач, – у тебя есть родственники...
– Нет! – как обычно, не дослушав до конца вопрос, отрезала Дора.
– Ну хорошо, – улыбаясь, сказал Давид Федорович, – за границей у тебя нет родственников, а в Израиле?

– Нет! – опять отрезала Дора.

– Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет! – ответил профессор студентке фразой из недавно опубликованного романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». – Ты куда-то торопишься? – поинтересовался маэстро.

– Да, мне надо заниматься! – быстро ответила прилежная студентка Дора.

– Однажды в детстве, – улыбаясь сказал Ойстрах, – бабушка попросила меня: «Додик, сходи в лавку, купи мне пиленого сахару»... А я ей ответил твоей фразой: «Бабушка, мне надо заниматься!» – «Таки закончишь свою консерваторию на пятнадцать минут позже!» – возразила бабушка. Вот и я тебе говорю то же самое. Значит, родственников в Израиле нет?

– Нет! – подтвердила Дора.

– А для кого же я тогда, работал «почтовым голубем»? – улыбнувшись, спросил Давид Федорович студентку.

– Не знаю, – ответила Дора.

– Ну вот и хорошо, – засмеялся Ойстрах, – тогда я смычок оставлю себе!

– Какой смычок? – удивилась студентка, отвечавшая на все вопросы словом «нет».

– Скрипичный, конечно, – сказал Ойстрах. – Я вернулся из Израиля с гастролей, там после концерта ко мне подошла твоя тетя, которой у тебя нет, и попросила передать тебе этот смычок, который у тебя теперь есть.

И Ойстрах протянул Доре смычок.

– Я не помню, как зовут тетю, – виновато произнесла Дора, как бы извиняясь за свои «нет» и беря в руки смычок, – то ли Лена Блюмкина, то ли Блюма Ленкина?

– Это не столь важно, – ответил Ойстрах, – главное, что у меня в футляре оказалось одно свободное место для смычка... А смычок хороший, поверь мне, я в этом деле понимаю! – сказал выдающийся скрипач и подмигнул Доре, как тетя Сима.

Раду Лупу и все сонаты Моцарта

Поступив в 1966 году в московскую консерваторию, Дора в тот же год познакомилась в общежитии с пианистом из Румынии Раду Лупу. Он был очень талантлив: в шесть лет начал играть на фортепьяно, в двенадцать лет дал первый концерт, в шестнадцать лет поступил в московскую консерваторию и уже пять лет учился. Раду Лупу в то время был восходящая звезда, а Дора только что поступила в консерваторию, но он охотно согласился поиграть с ней.

Раду Лупу. Портрет работы Яны Гербер

В том же 1966 году Раду получил первую премию на конкурсе пианистов имени Вана Клиберна. Сейчас Раду Лупу лауреат всех мыслимых конкурсов, включая премию «Грэмми», и введен в Зал славы музыкального журнала «Граммофон».

Дора сыграла с Раду все сонаты Моцарта для студентов консерватории.

Кто бы раньше подсказал, что во второй половине 60-х годов можно было незаметно прошыгнуть мимо вахтерши в общежитии московской консерватории, но не для того, чтобы побежать к девчонкам-пианисткам или скрипачкам, а чтобы послушать уникальный дуэт Раду Лупу и Доры Шварцберг, играющей сонаты Моцарта. Всеу свое время.

Конкурс Паганини, швейцарская тетя Поля и румынский кузен Сережа

В 1969 году первый человек, американский астронавт Нил Армстронг, вступил на поверхность Луны, а Дора Шварцберг, студентка московской консерватории, первый раз вступила на землю

города Генуи, где родился великий скрипач Никколо Паганини. Дора была не первой, кто сделал этот шаг, но, возможно, первой из советских студенток, у кого в Генуе («за границей!») появились родственники: тетя и кузен.

Полина Шендерович была родной тетей Миры Шендерович – мамы Доры. Тетя Поля уехала в начале XX века в Швейцарию, вышла там замуж за врача-эндокринолога доктора Франкино Руска и жила в Локарно. У доктора Руска была в Локарно своя клиника, своя усадьба и даже своя семейная церковь. Жили они «не очень бедно». В советской семье Шварцберг, живущей, как все советские люди – от полочки до полочки, о тете Поле ходили легенды, однако рассказывали их шепотом. Одна из семейных легенд гласила, что однажды к доктору-эндокринологу Руска обратилась семейная пара эмигрантов из России по поводу базедовой болезни. Денег заплатить за лечение у них не было, но в знак благодарности за консультацию они принесли с собой коробку шоколадных конфет. Пара обратилась к доктору Руска, предполагая, что его корни, возможно, из России. Из России оказалась жена доктора Руска – Полина Шендерович. Доктор Руска принял пациентку, которую звали Надежда Крупская. А тетя Поля сохранила пустую коробку от шоколадных конфет как сувенир.

Но на конкурс Паганини, о котором тетя Поля узнала из газет, она привезла не только пустую коробку от шоколадных конфет, подаренную вождем мирового пролетариата, но и две сумки швейцарского шоколада. Соотечественники вождя быстро оценили вкус швейцарского шоколада – и две сумки тети Поли опустели за два дня. В уничтожении «продуктов империализма» принимала участие вся советская делегация, начиная с председателя Союза композиторов Тихона Хренникова, его жены Клары и декана консерватории Татьяны Гайдамович и заканчивая талантливыми студентами. Швейцарский шоколад произвел на всю делегацию большее впечатление, чем пустая коробка от шоколадных конфет, подаренная вождем мирового пролетариата. Но тетя Поля представлялась всей советской делегации, как представительница Ленина в Швейцарии, почти как агент газеты «Искра».

Через два дня в Геную приехал для поддержки Доры ее двоюродный брат из Румынии. Кузена звали Сережа, ему было около тридцати пяти лет, и он был сыном сестры Рафаила Шварцберга,

отца Доры. У отца было одиннадцать сестер и братьев, и мама Сережи жила в Бухаресте.

Сережа сразу стал душой музыкальной компании, приехавшей на конкурс имени Паганини в Геную. Он поддерживал дух всех выступающих, знал, где в Генуе хорошие и недорогие рестораны, решал все бытовые вопросы живущих в гостинице музыкантов, объясняясь на английском с работниками гостиницы. У Сережи были водительские права, и он устроил на взятом в аренду микроавтобусе экскурсии по Генуе и по Риму для всей группы. Для советских людей того времени это было равносильно полету Нила Армстронга на Луну.

На конкурсе, куда приехали со всего мира молодые музыканты, студенты московской консерватории выступили очень хорошо: Гидон Кремер стал лауреатом, получил первую премию и право сыграть в заключительном концерте на скрипке Паганини. Дора тоже получила премию, и для ее первого международного конкурса это был большой успех, и он не остался незамеченным. Вернувшись в Москву, Тихон Хренников и Клара пригласили Дору к себе на дачу, и у них установились теплые дружеские отношения.

Но не все было так хорошо, как казалось на первый взгляд, кое-что было плохо. А как говорит писатель Пауло Коэльо: «Если что-то плохо – значит, это еще не конец». Конечно, все знали, что в делегации советских музыкантов всегда был «человек из конторы», который, поедая швейцарский шоколад, не закрывал от удовольствия глаза, а приглядывал за всеми. Потом он написал отчет о поездке, где упомянул, что у Доры есть «очень хорошие родственники, тетя и кузен, но за границей». Тогда у Доры и возникли проблемы с поездкой в Мюнхен на следующий международный конкурс.

«Шкварка», партбилет ректора Свешникова и конкурс в Мюнхене

Александр Васильевич Свешников – хоровой дирижер и музыкальный педагог – был назначен на должность ректора московской консерватории в 1948 году, после того как в результате

«музыкального погрома» с этой должности был снят композитор В.Я. Шебалин. Свешников не был тогда членом партии, и это характеризует его как человека достаточно независимых взглядов. Хоровой дирижер не пел вместе с хором.

Но через два года, в шестьдесят лет, он просто обязан был вступить в ряды партии – на таких должностях беспартийных не держали. Назначение А.В. Свешникова ректором консерватории и его прием в партию имели самое непосредственное отношение к маленькой девочке Доре, шагавшей в это время в бордово-черных шароварах и узбекской тубетейке вместе со своей бабушкой на ташкентский базар.

Ректор московской консерватории А.В. Свешников, зачитывая фамилии новых студентов, никак не мог выговорить фамилию «Шварцберг». Он с юмором говорил, что с него достаточно того, что он выговаривает фамилии «Моцарт» и «Бетховен». Он стал называть юную студентку Шварцберг просто «шкварка». Дора не обиделась на Свешникова за «новое имя», потому что чувствовала, что ректор на самом деле относится к ней хорошо, считая «шкварку» очень способной студенткой, даже среди отборных талантов московской консерватории. И случай проявить отношение ректора к студентке «шкварке» не заставил себя ждать.

Когда готовили группу студентов на конкурс Баварского радио в Мюнхене, всплыл отчет о том, что у «шкварки» есть «родственники за границей». Время было напряженное: многие советские музыканты уезжали на конкурсы или гастролы и оставались за границей. Отправка дипломницы консерватории, «шкварки» Доры, на конкурс в Мюнхен представляла большой риск: ей было у кого остаться за границей. Партийная комиссия категорически возражала против того, чтобы включить Дору в группу студентов, выезжающих на международный конкурс в Мюнхен. Тогда ректор А.В. Свешников пошел в партком и положил на стол свой партбилет как залог: если «шкварка» не вернется, то ректора исключат из партии и, естественно, снимут с должности. В то время закончившейся оттепели исключение из партии было подобно сожжению на костре инквизиции в Средние века. Хормейстер должен обладать сильной харизмой и авторитарным характером, чтобы управлять хором, но не командовать парткомом. Однако партком

консерватории хором прислушался к мнению ректора и авторитетного хорового дирижера – и Дору отправили на конкурс.

Почему ректор рисковал своей карьерой и положением ради какой-то студентки-«шкварки», фамилию которой он даже не мог правильно произнести? Трудно сказать, но «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Ректор А.В. Свешников, несомненно, совершил поступок независимого и смелого человека, поручившись за Дору. Он понимал, что «шкварка» – талант, а таланты надо беречь!

«Шкварка» не просто вернулась в родную консу, не подведя ректора под монастырь и не бросив его в костер парткомовской инквизиции, а заняла почетное второе место на престижном международном конкурсе вместе с пианистом Борисом Петрушанским.

А.В. Свешников умер в возрасте почти девяноста лет и похоронен на Новодевичьем кладбище, там же, где покоится М.Л. Ростропович, сыгравший в судьбе Доры тоже большую роль.

Маэстро Ростропович, фаршированная шейка и «пианистка» Пукса

Учитель Доры, профессор Юрий Исаевич Янкелевич, однажды попал в больницу, и мама Доры прислала для него из Кишинева продуктовую посылку с домашними деликатесами. В больнице в то время кормили, мягко говоря, не очень хорошо, а профессору надо было срочно поправляться и готовить студентов на очередной конкурс. Заметим, что кормили не очень хорошо не только в больнице, но и в профессорской столовой консерватории тоже.

«Музыкальный черт» попутал Дору по дороге в больницу заглянуть в профессорскую столовую консерватории, чтобы что-то еще купить для своего профессора. В столовой одиноко сидел профессор Ростропович и с грустным видом жевал безвкусную столовскую пищу. Когда Дора вошла в столовую, маэстро потянул носом воздух, ноздри его затрепетали, он поднял палец вверх и философски произнес:

– У меня не только прекрасный музыкальный слух, но и прекрасный собачий нюх!

Студентка Дора пролепетала:

– Здравсте, Мстислав Леопольдович! – и собиралась уже стрелой вылететь из столовой, как маэстро строго приказал:

– Дорка, ну-ка, иди сюда! Что это у тебя в сумке так вкусно пахнет?

– Да ничего! Юрий Исаевич в больнице, и мама прислала ему посылочку из Кишинева.

– А ну-ка, покажи!

– Да там ничего особенного нет! – пыталась отвертеться Дора.

– Ну ты просто покажи, я только посмотрю – и все! – невинно попросил Ростропович.

Дора, как ворона из басни Крылова, открыла сумку, а там сверху лежит фаршированная куриная шейка. Ростропович увидел ее, опять втянул носом воздух и так ласково говорит:

– Ну дай попробовать хоть маленький кусочек...

– Это мама прислала для Юрия Исаевича в больницу, – жалобно возразила Дора.

– Ему это нельзя! – строго сказал Ростропович. – Это очень тяжелая пища для больных! Поверь мне, я в этом деле понимаю, – закончил маэстро свою речь фразой тети Симы из Одессы и отрезал большой кусок фаршированной шейки.

Мамин деликатес маэстро понравился, он быстро доел всю оставшуюся шейку, на его лице выступила тихая радость, и он стал смотреть, что там еще лежит в сумке-самобранке. Дора была не дура, она поняла, что «надо делать ноги» из столовой, пока вся сумка не опустела.

На следующий день, когда Дора пришла в консерваторию, ее увидел Ростропович на другом конце коридора и через весь коридор, полный студентов, с восторгом закричал:

– Здравствуй, ты моя шейка фаршированная!

Все студенты посмотрели на Дору, на ее шею, никто ничего не понял, но все радостно засмеялись – и профессор Ростропович, и Дора, и студенты.

С тех пор маэстро каждый год на свой день рождения получал от мамы Доры фаршированную шейку. Мама не могла забыть эту

дату, потому что дни рождения маэстро Ростроповича и дочери Доры совпадали – 27 марта. Мама теперь делала свои деликатесы в двух экземплярах и рассылала их по разным адресам. Таким образом, Мира Шварцберг внесла свой посильный вклад спонсора, «support the arts», как говорят американцы, в поддержку мировой музыкальной культуры.

Но история с фаршированной шейкой получила продолжение в 1983 году, когда маэстро Ростропович пригласил Дору Шварцберг исполнить концерт П.И. Чайковского с Вашингтонским симфоническим оркестром, которым он руководил и дирижировал.

Первое, что услышала Дора, когда вошла с мамой и мужем в квартиру Ростроповичей, находящуюся напротив знаменитой гостиницы «Уотергейт» в Вашингтоне:

– Здравствуй, ты моя шейка фаршированная!

А маму Доры маэстро быстро и по-деловому спросил:

– Мира, где шейки, и сколько штук привезла?

– Три штуки! – также по-деловому отрапортовал «спонсор» мировой музыкальной культуры.

Маэстро Ростропович, дочь Доры и Ивана Нора Романова-Шварцберг, Дора Шварцберг и Ефим Бронфман. Вена, Musikverein, 1999. Отличный квартет: виолончель, альт, скрипка и фортепиано

Ростропович «приходовал товар»: одну шейку он щедро поделил между всеми, вторую забрал с собой на репетицию, потому что, как заметил маэстро, «она меня вдохновляет». А с третьей шейкой устроил «маленький концерт».

У Ростроповичей была собачка, которую маэстро назвал Пукса, что сокращенно обозначало «Путь к социализму». Музыкальный педагог Ростропович научил даже собачку Пуксу «играть на рояле», и когда приходили гости, он с гордостью показывал им свои музыкально-педагогические достижения. Ростропович усадил всех гостей в гостиную, открыл крышку рояля и быстро приказал:

– Пукса, сыграй, сыграй им что-нибудь веселенькое! А я пойду по хозяйству.

Маэстро пошел на кухню и спрятал третью фаршированную шейку в холодильник, так глубоко, чтобы ее никто не мог не только найти, но даже о ней подумать!

Обычно маэстро делал одну репетицию солиста с оркестром, и потом вперед – на сцену! Но Доре Ростропович предоставил две репетиции и сказал:

– Не бойсь, старуха, обслужу по первому разряду! – маэстро в совершенстве владел не только языком музыки, но и разными диалектами великого и могучего русского языка.

В тот вечер маэстро дирижировал особенно вдохновенно. Может быть, перед концертом он съел «маленький кусочек» от третьей, запрятанной в холодильник фаршированной шейки, вдохновлявшей его.

Если говорить серьезно, то Дору и маэстро Ростроповича объединяла не только безграничная любовь к музыке, но и поклонение одному и тому же богу-мастеру: Дора долго играла на скрипке, а Ростропович – на виолончели Джованни Гваданини.

Одна моя знакомая в Израиле рассказывала, что ее попросили передать больному в Россию лекарства через Ростроповича. Она не была до этого с ним знакома. Маэстро спустился в холл гостиницы, знакомая отдала лекарства, поблагодарила его, попрощалась и пошла к выходу, понимая занятость великого музыканта. Вдруг за ее спиной раздался голос Ростроповича: «А поговорить?!».

Они просидели в холе полтора часа, пили чай, разговаривая о музыке, о детях, о жизни в Израиле, России и Америке. Конечно, моей знакомой было лестно разговаривать с великим музыкантом. «Что он Гекубе?» – было понятно. Но зачем маэстро нужен был этот разговор, если они больше никогда не виделись? «Что ему Гекуба?» Станиславский писал о «публичном одиночестве» актера на сцене. Но, может быть, существует еще и «публичное одиночество» артиста вне сцены?

Распределение, или Деревня, где скучал Онегин

После окончания консерватории призер двух международных музыкальных конкурсов Дора Шварцберг получила распределение в провинциальный город Владимир.

– И что ты теперь собираешься делать? – спросила Дору декан оркестрового факультета консерватории Татьяна Алексеевна Гайдамович.

– А что делать? Надо ехать! – ответила Дора.

– Куда ехать?.. – прищурившись, спросила декан консерватории.

– Во Владимир, – бодро произнесла дважды призер международных конкурсов.

– Ну ты и деревня! – воскликнула Гайдамович.

– Какая деревня? – не поняла Дора.

– Деревня, где скучал Онегин! – дала Гайдамович новое имя выпускнице консы. – Ты теперь больше не «шкварка», ты теперь «деревня, где скучал Онегин»!

– Почему? – опять не поняла Дора.

– Потому что ты знакома с самим председателем правления Союза композиторов Тихоном Хренниковым, но ни хрена не можешь попросить его оставить тебя в Москве!

– Нет! – произнесла девочка с ташкентского базара свое любимое слово. – Нет! Поеду, как положено, по распределению – в глушь, во Владимир!

Владимирский централ и скрипка

Одним из самых сильных впечатлений Доры во Владимире был «воспитательный концерт» во Владимирском централе (российская тюрьма). В тюрьме Дору встретили радушно! В честь выпускницы московской консерватории и дважды призера международных конкурсов накрыли банкетный стол с большим ассортиментом водок и закусок, которые Дора не видела даже на гражданке. Из водок были «Столичная», «Московская» и водки, настоянные на клюкве, хрене и редьке. Гражданин начальник, сопровождавший скрипачку, налил ей полстакана водки, настоящей на хрене, шепнув на ушко, что хрен лучше всего отбивает сивуху. Чокнулись и выпили до дна «за успех», но не успели закусить, как концерт начался.

Дора, слегка покачиваясь на каблучках, вышла со скрипкой на невысокую сцену и увидела полный зал мужиков – охранников и заключенных. В середине первого ряда, как раз напротив нее, сидел, развалившись, здоровенный зэк в яловых сапогах в гармошку, ватных штанах, телогрейке и шапке набекрень. Он лузгал семечки и смачно сплевывал шелуху прямо на низкую сцену, почти под ноги скрипачке. Дора смотрела на него, как кролик на удава, как замороженная, и от страха никак не могла приступить к игре.

Вдруг водка с хреном ударила в голову призёру международного музыкального конкурса имени Никколо Паганини, и Дора хриплым от страха голосом заорала на развалившегося напротив зека:

– Сними шапку с башки, падла!

На секунду Дора зажмурила глаза и с ужасом представила, как сейчас зэк легко запрыгнет на низкую сцену и в одно мгновение размозжит ей голову ее же скрипочкой! Когда она открыла глаза, то увидела, что зэк не только стянул шапку со стриженной головы, но и перестал лузгать семечки. Еще несколько зэков сделали то же самое.

После концерта банкет продолжился, и довольный гражданин начальник, наливая следующие полстакана Доре, одобрительно сказал ей:

– Все-таки музыка – великая вещь! Даже зэки ее понимают, когда им по-человечески все объяснишь!

«Нос» Гоголя и поцелуй Шостаковича

В 1928 году молодой тогда композитор Дмитрий Шостакович написал свою первую оперу «Нос» по повести Николая Гоголя. Оперу хотел поставить в Большом театре Всеволод Мейерхольд, но в силу его занятости другими спектаклями постановка не состоялась. Опера была поставлена в начале 30-х годов в Малом оперном театре к столетию повести Гоголя и показана полтора десятка раз. Но под давлением «трудящихся масс» «Нос» был исключен из репертуара театра. Причина была проста: отдельно взятый нос не может разгуливать тунейдцем по «колыбели революции», да еще в шитом золотом мундире, шляпе статского советника и при шпаге.

Ренессанс оперы Дмитрия Шостаковича «Нос» начался в 1972 году, когда главный режиссер Большого театра Борис Покровский создал Камерный музыкальный театр. Покровский вспоминал, что «...все произошло благодаря активным хлопотам судьбы – в Москве решили реформировать маленький оперный коллектив, гастролирующий по России и обильно разбрасывающий под маркой оперных спектаклей отменную халтуру. Меня попросили помочь в реорганизации театра. Помочь театру я мог только тем, что поставил им спектакль. После неизбежного отсеивания осталась маленькая горстка людей, которые никак не могли быть театром, но лишь камерным ансамблем. Одновременно появилась маленькая опера молодого тогда композитора Родиона Щедрина «Не только любовь», которая очаровывала уже в партитуре... и мы отрепетировали этот маленький шедевр камерным ансамблем».

Борис Покровский, собирая камерный ансамбль, пригласил концертмейстером талантливую выпускницу московской консерватории Дору Шварцберг, а в ансамбль тогда еще студента московской консерватории девятнадцатилетнего Юрия Башмета.

Следующей постановкой должна была быть опера Дмитрия Шостаковича «Нос». Первым дирижером Камерного музыкального театра был Владимир Дельман, впоследствии ставший лауреатом итальянской премии Франко Аббьяти. Именно под его руководством прошла первая опера нового театра «Не только

любовь» Родиона Щедрина и возрожденная опера Дмитрия Шостаковича «Нос». Тихон Хренников поддержал ренессанс постановки, в которой концертмейстером была Дора, и это еще больше укрепило их дружбу.

До премьеры оперы «Нос» специально для Дмитрия Шостаковича было устроено прослушивание, чтобы узнать мнение автора оперы и в случае необходимости что-то поправить. Ренессанс оперы «Нос» произошел за два года до смерти великого композитора и для него это событие было, как возвращение в молодость, в начало 30-х годов, как продолжение прерванной сорок лет назад постановки.

Дмитрию Дмитриевичу исполнение понравилось, он расчувствовался, поздравлял режиссера, дирижера и всех музыкантов театра. А концертмейстера камерного ансамбля Дору Шварцберг обнял и поцеловал! Это был «последний поцелуй» великого композитора и благословение Доре на прощание.

После возрождения оперы в Москве гоголевский «Нос» пошел гулять по всему свету: «Нос» был замечен на своей родине в Санкт-Петербурге в Мариинском театре, в Бостонской опере, а также в Нью-Йорке в Метрополитен-опера. Американская постановка была возобновлена еще раз через три года и транслировалась в кинотеатрах по всему миру.

Точно так же и Дора, как гоголевский «Нос», оторвалась от Камерного музыкального театра в Москве и с поцелуем и благословением великого композитора пошла гулять по всему свету.

Эмиграция в Израиль: день первый.

Исаак Стерн

Фраза, которую Дора произнесла в 1971 году при распределении во Владимир, прозвучала еще раз в 1973 году:

– А что делать? Надо ехать!

Теперь эта фраза относилась к отъезду в Израиль.

В Израиль ехали через Вену. Там можно было изменить маршрут и поехать в США. Так делали многие, например, будущий муж

Доры Иван Романов: прилетел с еврейской мамой в Вену (через несколько лет после Доры), а оттуда прямо в Нью-Йорк.

Дора могла остаться и в музыкальной столице Европы Вене, так тоже некоторые делали. Но пути Господни неисповедимы, и она решила по-другому:

– Нет! – произнесла девочка с ташкентского базара свое любимое слово. – Нет! Поеду, как положено, по распределению – в Израиль!

Через четырнадцать лет, после выступлений по всему миру с известными музыкантами, Дора вернется в Вену, но уже в качестве музыкального педагога и профессора.

В первый же день в Израиле Дора с друзьями пошла на концерт Исаака Стерна. Она встретила маэстро у входа и спросила, не помнит ли он «девочку из Одессы», сыгравшую ему в филармонии «Скерцо-Тарантеллу» Венявского? Стерн, конечно, не помнил «девочку из Одессы», но провел всю компанию на концерт бесплатно.

Антверпен и недостроенная Вавилонская башня

Когда Дора рассказывала историю о Стерне, позвонила дочь Нора с фестиваля в Мексике и рассказала, что после ее выступления один американский актер пригласил ее поиграть на его семидесятилетнем юбилее в Голливуде. И Дора вспомнила, как ее тоже пригласил один бельгийский актер из Антверпена поиграть на его юбилее. Это история длиною в тридцать лет. Антверпен – очень важная часть ее жизни, Дора жила там около четырех-пяти лет во второй половине 70-х годов.

До этого в Израиле в 1975 году она создала трио «Видом» по именам участников – Виктор, Дора, Марк: пианист Виктор Деревянко, ученик Генриха Нейгауза, виолончелист Марк Дробинский, ученик Мстислава Ростроповича, и она. Трио «Видом» сделало звукозаписи многих произведений Бетховена, Брамса, Листа и других композиторов. Как-то в интервью на телевидении

Марка Дробинского спросили: «Дора Шварцберг – солистка и часто в отъезде. В каких рамках вы сотрудничаете в трио «Видом»?». На это Марк коротко ответил: «Наша Дорочка не входит ни в какие рамки!». Трио «Видом» получило приглашение от состоятельной дамы мадам Толковски, фанатично влюбленной в игру Эмиля Гилельса, пожить в ее доме в Антверпене.

Трио отправилось в Антверпен, и после нескольких концертов Дору пригласили к себе жить художница Мариан ван Вив и ее муж дипломат Харольд. У них был прекрасный артистический дом, где часто бывали актеры, музыканты, художники. Мариан научила Дору понимать необычные сочетания цветов, например синего с зеленым, и покупать одну и ту же понравившуюся вещь в нескольких экземплярах – разных цветов и оттенков.

Однажды в доме Мариан и Харольда появился знаменитый бельгийский актер и художник Ян Деклер. Как киноактер Деклер снялся к тому времени в фильме с женским именем «Мира» – именно так звали маму Доры! Как театральный актер Ян Деклер был тогда уже знаменит в Европе. Позже он станет знаменит и как киноактер, снимется во многих фильмах, один из них, «Характер», получит премию «Оскар». Почти через сорок лет в фильме «Финн и магия музыки» Ян Деклер сыграет старика Лука, который тайно учит девятилетнего мальчика Финна играть на скрипке, в то время как отец мальчика, футбольный фанат, заставляет сына играть в футбол.

Проблема общения между актером и скрипачкой заключалась в том, что Ян говорил только на фламандском, а Дора на русском, английском, немецком, итальянском и иврите. Между ними стояла Вавилонская башня смешанных Господом разных языков. Но как ни парадоксально, они хорошо понимали друг друга и без слов. Этого Господь не предусмотрел.

На следующий день Ян пришел опять и предложил Доре сыграть с ним в театральном спектакле. Он даже придумал уже сюжет пьесы: мужчине и женщине надо построить нечто вроде Вавилонской башни, но они говорят на разных языках. Как раз то, что и было на самом деле. Конечно, по ходу пьесы Дора должна была несколько раз играть на скрипке, а Ян дирижировать исполнением. Может быть, Ян мечтал дирижировать скрипкой?

Дора вспомнила свою детскую мечту и свой ответ старцу на ташкентском базаре: «Я – артистка!» – и взлетела от счастья: вот он, заветный шанс! Ян поманил Дору ее детской мечтой.

– А откуда Деклер узнал вашу детскую мечту? – спросил я Дору.

– Как откуда узнал? Так он же, актер Ян Деклер, играл роль старца Лука не только в фильме «Финн и магия музыки», но и на ташкентском базаре! – хитро улыбнувшись, ответила несостоявшаяся, но талантливая театральная актриса.

Дора взлетела, но улетела не в ту сторону. Она, вообще-то, больше всего любила и любит приезжать, а чтобы куда-то приезжать, надо откуда-то уезжать. Вот Дора куда-то и уехала из Антверпена! Это Господь предусмотрел.

Через тридцать лет в Нью-Йорке к ней пришел человек и сказал, что Ян Деклер приглашает ее в Антверпен выступить на его юбилее. Дора снова взлетела и... согласилась, хотя надо было ломать график гастролей. Она опять, как когда-то на Святой земле, собрала трио для выступления на юбилее Яна Деклера: пианист

Старец Лук (актер Ян Деклер в фильме «Финн», 2013) дирижирует скрипкой

Александр Гурнинг из Антверпена, виолончелист и композитор Хорхе Боссо из Милана и она.

Так вдохновенно, как на юбилее Яна Деклера, Дора не играла уже давно. Она не могла передать ему свои чувства словами, но могла выразить их музыкой – этим всеобщим языком человечества, который не в состоянии смешать даже сам Господь Бог. В ее игре и музыке было чувство сожаления, может быть, единственного сожаления в жизни, что тридцать лет назад она взлетела от счастья, но улетела не в ту сторону...

После выступления Ян преподнес Доре огромный, больше ее самой, букет светло-зеленых роз, цвета ее глаз. В Бельгии и Голландии умеют ценить не только свет и музыку, редко льющиеся с небес, но и сочетания необычных цветов, например, ярко-синего пальто Иегуди Менухина и светло-зеленых роз Яна Деклера. Конечно, по ходу несостоявшейся пьесы «Вавилонская башня» Дора должна была играть на скрипке, а Ян дирижировать исполнением. Почти через сорок лет мечта Яна исполнилась. Мечтая, будь осторожен, мечты иногда сбываются!..

Продолжение следует

